

Безъ плана.

Съ новымъ годомъ! — Полуторавѣковой юбилей московскаго университета. — Нѣтъ на свѣтъ мукъ сильнѣе муки слова.

1 января 1905 года.

Все проходить, и великое, и малое, и счастливое, и мучительное. Прощель, наконецъ, и 1904 годъ, проклятый годъ крови и желѣза, всемірно-историческихъ преступленій и величайшихъ всенародныхъ бѣдствій, но и благословенный годъ обнаруженія высшей правды, торжества праведнаго суда Божія, спасительной и обновительной грозы... Нѣтъ языка, живо чувствуется все безсиліе слова, при попыткѣ прочесть вслухъ дымящіяся кровью строки, которыми вписалъ въ себя этотъ годъ въ таинственную книгу судебъ человечества. Тусклая, обыденная проза внезапно смѣнилась ужасомъ трагедіи, небывалой по своимъ размѣрамъ. Эпическія событія этого года скоро облечетъ легенда, взявъ себѣ по праву то, что вчера еще не было бы доступно самой разгоряченной фантазіи. Эта фантастически чудовищная война, война на другомъ концѣ свѣта, полумилліонныя арміи на берегахъ Шаха, гибель могучаго флота, легендарная исторія осады Портъ-Артура и явственныя предвѣстія великихъ событій внутри Россіи—все здѣсь такъ грандіозно, полно грозныхъ знаменій и великихъ пророчествъ...

Минувшій годъ выдѣляется изъ длиннаго ряда столѣтій, какъ кровавая вѣха, въ теченіе его перевернулась старая и открылась новая страница всемірной исторіи. Въ 410 году было паденіе Рима, въ 1453 году пала Византійская имперія, въ 1492 году открыта была Америка, въ 1774 году отложились отъ метрополіи Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, а въ 1904 году началась побѣ-

двоякая война Японіи съ Россіей, вотъ однохарактерная, хотя и не равнозначная даты, когда мѣнялась болѣе или менѣе значительно историческая карта, когда передвигался центръ тяжести міровой исторіи, когда перераспредѣлялось историческое могущество. И этотъ центръ явственно и осязательно началъ передвигаться—и неизвѣстно, какъ далеко передвинется—и въ наши дни съ запада на востокъ, изъ Европы въ Азію, отъ Атлантическаго океана къ Великому. Всемирно-историческое и культурное единодержавіе бѣлая раса отнынѣ должна будетъ раздѣлить съ желтой. Въ потокахъ крови, подъ громами сраженій родилась новая всемірно-историческая сила, сила желтаго міра. Можно съ точностью опредѣлить и мѣсто этого рожденія: Портъ-Артуръ, судьбы котораго столь таинственно связаны не только съ судьбами русскаго народа, но и всемірной исторіи. И съ капитуляціей Портъ-Артура, этимъ плодомъ нашей русской, внутренней разслабленности, не капитулируетъ ли въ извѣстномъ смыслѣ, не опускаетъ ли знамена своего всемірно-историческаго единодержавія и вся старая Европа? Какъ будто открывается новый просвѣтъ въ таинственную даль человѣческой исторіи, за историческимъ поворотомъ оказываются невѣдомыя, новыя перспективы. Что несетъ съ собою во всемірную исторію желтолицый сфинксъ, съ чуждой намъ душой, столь загадочный и непонятный? Проклятія или благословенія, новыя откровенія или карающій бичъ? Кто скажетъ... Однако добрая или злая сила, но эта уже сила, которая вся въ будущемъ, которая не сказала еще и перваго своего слова на понятномъ для насъ языкѣ. И она приковываетъ къ себѣ вниманіе всего міра. и каждый по своему разгадываетъ дально-восточный іероглифъ.

Обстоятельства, сопровождавшія всемірно-историческое возрожденіе Японіи и въ лицѣ ея желтаго міра, послужили окончательнымъ обличеніемъ вѣковой внутренней неправды Россіи. Японія явилась той рукой, которая начертала на пирѣ Валтасара *мене, текель, фаресъ*, и только слѣпорожденный или добровольно закрывающій глаза не видитъ огненныхъ письменъ. Коренное обновленіе русской жизни стало теперь не только требованіемъ гражданской совѣсти, но самаго историческаго существованія, упорство и косность представляютъ уже государственную опасность. Минувшій годъ дописать, кажется, послѣднюю строку въ той страницѣ русской исторіи, которая открывается собраніемъ Руси при помощи сильной центральной власти, тянется отъ Іоанна Калиты черезъ Іоанна Грознаго въ такъ

называемый петербургскій періодъ, который формально не закончился, къ несчастью, и до сихъ поръ. Однако внутренно онъ уже закончился, какъ это показала теперешняя война: если можно было еще доказывать его историческую цѣлесообразность собираніемъ Руси, интересами государственнаго единства, то теперь дальнѣйшее упорство грозитъ обратнымъ, ея новымъ разсыпаніемъ, утратой даже того вѣшняго могущества, за которое мы платили такой дорогой цѣной. И невольно напрашивается на сопоставленіе начало и конецъ петербургскаго періода, — Полтава и Портъ-Артуръ: въ настоящую войну мы приняли на себя роль шведовъ, предоставивъ свою прежнюю роль японцамъ. Не ясно ли, что даже въ военномъ отношеніи петербургскій періодъ исчерпалъ свои потенціи, а это былъ послѣдній аргументъ, который еще приводился съ какимъ-нибудь правдоподобіемъ въ его защиту.

Минувшій годъ не принесъ исцѣленія нашихъ внутреннихъ язвъ, онъ предоставилъ это наступающему. Нѣтъ пока и признаковъ желаннаго міра, къ которому стремится вся Россія. Русское общество попрежнему стоитъ передъ вѣковой своей задачей и попрежнему требуются дружныя и настойчивыя усилія, упорная работа и самоотверженный подвигъ для ихъ достойнаго разрѣшенія, главное же — непримиримость, непримиримость до конца!

Однако истекшій годъ не забудется въ исторіи русскаго освободительнаго движенія, онъ будетъ отмѣченъ въ ней серьезнымъ моральнымъ, хотя еще и не реальнымъ успѣхомъ освободительной идеи. Мы не видали до сихъ поръ столь широкаго размаха общественной волны. Какъ будто и впрямь новымъ духомъ повѣяло надъ русской землей, и свѣжій вѣтеръ, несущій на крыльяхъ своихъ дыханіе свободы, все крѣпнеть, обѣщая превратиться въ могучій и спасительный ураганъ.

Вѣтеръ этотъ дуетъ съ востока на западъ, съ дальняго намъ востока на близкій и родной западъ. Но вмѣстѣ съ живительнымъ дыханіемъ свободы онъ приноситъ намъ и испаренія крови, проливаемой на проклятыхъ поляхъ Маньчжуріи, въ недоброй памяти Портъ-Артуръ и... на стогнахъ русскихъ городовъ, и это соединеніе окрашиваетъ и наше настроеніе, властно говоритъ нашей совѣсти объ обязанностяхъ предъ нашимъ сермяжнымъ мученикомъ, предъ „народомъ“ въ томъ узкомъ смыслѣ слова, въ какомъ оно употребляется для обозначенія трудящихся классовъ населенія. Русская

исторія въ этомъ отношеніи переживаетъ критическій моментъ, которымъ надолго могутъ быть predeterminedены въ ту или другую сторону ея судьбы: трудно исправлять коренныя ошибки прошлаго и перестраивать домъ, первоначально построенный по невѣрному плану—вспомните исторію чартистскаго движенія, которое такъ и не достигло своей цѣли—введенія всеобщаго избирательнаго права, а также другіе аналогичные примѣры въ исторіи. Насколько же правильнѣй, извлекая историческія поученія, сразу создать широкія и свободныя рамки гражданскаго развитія народа, твердо и послѣдовательно проводя въ жизнь основныя требованія демократизма, который, повидимому, достигаетъ въ настоящее время своего зенита во всемъ культурномъ мірѣ. Измѣнимъ ли мы лучшимъ традиціямъ нашей культуры, которыя, начиная съ Радищева, учили насъ пониманію обязанностей передъ народомъ? Измѣнимъ ли мы традиціямъ практическаго народничества—въ широкомъ этическомъ смыслѣ этого слова—которому въ разныхъ формахъ отдавали свои силы лучшіе представители русской интеллигенціи? Измѣнимъ ли мы самому народу, постыдно предавши его права и интересы, тому народу, который вынесъ на своихъ плечахъ всю тяжесть „петербургскаго періода“ и совершенно разоренъ и раздавленъ этой тяжестью, который грудью принимаетъ беспощадные удары въ борьбѣ за право? Да не будетъ? Пусть на стягѣ русскаго освободительнаго движенія, который поднимаетъ организованное общественное мнѣніе, останется ясно и четко начертанный старый, но не старѣющій завѣтъ: съ народомъ, черезъ народъ и для народа!

Только при осуществленіи этого основнаго требованія и можетъ быть найденъ выходъ изъ угнетающаго насъ историческаго кризиса. А онъ глубокъ и всестороненъ. Оскудѣли поля, иссыхаютъ рѣки, застои въ промышленности, нестройство гражданское, разстройство во всемъ народно-хозяйственномъ и общественномъ организмѣ. Но ошибочно было бы думать, чтобы это разстройство ограничивалось только этимъ, — „петербургскимъ періодомъ“—извращенъ и нашъ духовный обликъ, искаженъ до неузнаваемости. Татарщина оставила намъ въ культурное наслѣдство трехъ-хвоствую плетку и матерную ругань, огрубѣніе нравовъ и духовное одичаніе. Ядъ вошелъ во внутрь и отравилъ не только тѣло, но и народную душу. Больна народная душа. Поражено самое сердце народа—его религіозная жизнь, которую преступно хотѣли использовать съ политическими, точнѣе, полицейскими цѣлями.

Извращена вся духовная перспектива, и получилось то затемнение духовнаго сознанія, благодаря которому наша великодушная и до послѣдняго мизинца идеалистическая интеллигенція, не узнавая себя, считаетъ необходимымъ держаться разныхъ оттѣнковъ матеріализма, народъ же находится въ состояніи духовной безпомощности и растерянности, не зная, кого слушать и кому отдаться.

Національное обновленіе необходимо предполагаетъ возрожденіе не только экономическое и политическое, но и духовное, религіозное,—реформа должна сопровождаться реформаціей и ренессансомъ. того и другого нельзя и не слѣдуетъ раздѣлять, и, всѣмъ сердцемъ желая и ожидая перваго, мы устремляемъ наши думы и ко второму, считая за счастье вложить посильную хотя и скудную лепту въ великое дѣло духовнаго возрожденія.

Пусть же, наконецъ, принесетъ намъ наступающій новый годъ миръ внѣшній и внутренній, пусть разрѣшится или, если нужно, разрубится гордіевъ узелъ нашей исторіи, которымъ связана вся наша жизнь, пусть впервые свободно вздохнетъ наша родина, какъ земля гражданъ, гордыхъ и счастливыхъ своей свободой, свободой вѣры, слова, общественнаго единенія и самоопредѣленія, пусть скорѣе начнетъ освобождаться отъ безобразящихъ ее историческихъ наростовъ и распрямляться во весь свой дѣйствительный ростъ народная душа, и да совершится историческое „воскресеніе“ русскаго народа!

Въ сознаніи величія, грозности и трудности задачъ переживаемаго историческаго момента и налагаемой имъ ответственности шлемъ мы свой привѣтъ русскому обществу:

Съ новымъ годомъ, друзья и братья!

12 января этого года Москва, а вмѣстѣ съ нею и вся Россія празднуетъ юбилей Московскаго Университета, съ которымъ такъ много связано въ исторіи русскаго просвѣщенія. Приносимъ и мы свое сыновнее привѣтствіе московской alma mater. Московскій Университетъ въ настоящее время, помимо прямого своего значенія, имѣетъ еще и символическое: на долю его выпалъ почетный удѣлъ символизировать все русское просвѣщеніе, и тѣ привѣтствія, которыя

прочитаны на московскомъ праздникѣ, конечно, идутъ дальше своего непосредственнаго адресата, имѣя въ виду всѣ мыслящія и научныя силы страны, всю университетскую Россію.

Не скроемъ, что не съ радостнымъ, а скорбнымъ и утѣшеннымъ сердцемъ приносимъ мы свое привѣтствіе московской alma mater, ибо видимъ дорогую именинницу — а съ нею и всѣхъ ея сестеръ — не въ свѣтлыхъ праздничныхъ ризахъ, не въ именинномъ нарядѣ и не въ именинномъ настроеніи, а оборванную, скорбную, даже побитую. вмѣсто заздравнаго молебна намъ слышится панихидное пѣніе по русскому просвѣщенію, и настроеніе у насъ не праздничное, а скорѣе похоронное. И прислушиваясь къ нему, невольно задаешь себѣ странный и однако назойливый и неотвязный вопросъ: да полно, *есть ли* у насъ и можетъ ли быть у насъ университетъ, *universitas litterarum*, этотъ свободный, самобытный и прекрасный организмъ просвѣщенія, живое тѣло, въ которомъ обитаетъ мысль создавшаго его народа, находится мозгъ страны? Суть ли тѣ учрежденія по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, которыя на официальномъ языкѣ эвфемистически называются университетами, и на самомъ дѣлѣ университеты въ высшемъ и почетномъ смыслѣ этого слова или это... бюрократическое самозванство? Больно и даже страшно ставить эти убійственные для національнаго самосознанія вопросы. И однако, въ дни юбилея старѣйшаго университета, изъ уваженія къ его идеѣ, мы должны быть безпощадно правдивы, и должны въ упоръ отвѣтить на поставленный вопросъ, и отвѣтить — отрицательно. У насъ есть профессора, въ числѣ ихъ и крупныя научныя силы, есть студенты, читаются лекціи, защищаются диссертации, но все это *membra disjecta proetae*, разрозненные элементы, изъ которыхъ долженъ еще создаться университетъ.

Но университета въ подлинномъ смыслѣ въ Россіи нѣтъ и не можетъ быть до тѣхъ поръ, пока царитъ всесильная бюрократія, въ вѣдомствѣ просвѣщенія свившая себѣ особенно прочное гнѣздо; бюрократизмъ и университетъ суть двѣ вещи столь же несовѣстныя какъ гений и злодѣйство въ представленіяхъ Пушкинскаго Сальери *).

*) Въ настоящее время, когда высшаго образованія въ Россіи уже фактически нѣтъ въ самомъ буквальномъ смыслѣ этихъ словъ, такъ что мы не имѣемъ почти ни одного функционирующаго высшаго учебнаго заведенія, справедливость этого сужденія не можетъ ни въ комъ вызвать возраженій.

Сказанное не требует особыхъ доказательствъ, это слишкомъ наболѣло у всѣхъ мыслящихъ людей, въ особенности за послѣдніе годы, когда университетъ сдѣлался излюбленной ареной различныхъ бюрократически-полицейскихъ авантюръ и экспериментовъ *in cogroge vili*, когда онъ представлялъ изъ себя—пользуясь извѣстнымъ несчастнымъ выраженіемъ московскихъ профессоровъ—„отдушину“, линию наименьшаго сопротивленія для бюрократическаго экспериментированія.

Университетъ можетъ развиваться только при условіи полной автономіи и академической свободы, это аксіома. А что мы видимъ въ теперешнихъ университетахъ? Университетъ можетъ правильно функционировать только при существованіи открытыхъ и тѣсныхъ связей между преподавателями и студентами, въ своей совокупности составляющихъ академію. А вѣсто этого мы видимъ разобщенность и глубокое, укоренившееся недовѣріе между профессорами и студентами—скоро ли залѣтитъ время даже при лучшихъ условіяхъ этотъ духовный распадъ?—систематическое разъединеніе в самихъ профессоровъ (лишь въ наши дни выдвигается насущная необходимость профессорскаго сѣзда и профессорской организаціи, да и то пока въ качествѣ *desiderata*). Была сдѣлана попытка такого же разъединенія студентовъ путемъ превращенія ихъ въ „отдѣльныхъ посѣтителей“ университета, попытка, однако разбиравшаяся о молодую непримиримость. Такова печальная картина современной университетской жизни.

Неудивительно, что почти единственнымъ общественнымъ проявленіемъ жизни университета за послѣднее время остаются студенческія волненія. Другихъ мы не видимъ. Проявилъ ли себя университетъ, мозгъ страны, чѣмъ-либо теперь, въ переживаемое время тяжелой войны и внутренняго неурядства? Знаемъ ли мы мнѣніе хотя одного университета, вообще русской академіи, по этимъ животрепещущимъ вопросамъ? Намъ извѣстны мнѣнія отдѣльныхъ профессоровъ, которыя высказывались ими какъ частными лицами, иногда даже вопреки своему профессорству, но университетъ въ эту пору русскаго лихолѣтя молчалъ и молчитъ. Подняли свой голосъ нѣкоторыя спеціальныя учебныя заведенія (извѣстныя заявленія совѣтовъ сначала Кіевскаго, затѣмъ Петербургскаго Политехникума, къ которымъ въ той или иной формѣ, по слухамъ, присоединились и нѣкоторыя другія, но тоже спеціальныя учебныя заведенія), но университетъ безмолвство-

оказался въ параличѣ *). Мы не знаемъ мнѣнія университетовъ какъ университетовъ — и въ томъ числѣ московскаго юбиляра—ни о дальневосточной войнѣ, ни о внутреннихъ реформахъ, имѣть его не полагается **). Зато мы видѣли византійскіе адреса отъ всѣхъ университетовъ.

И однако, несмотря на все теперешнее униженіе университета, нельзя его унижить до конца, ибо идея его велика и даже свята. Университетъ есть великая сила будущаго, сила нравственная, дѣйствующая чрезъ посредство общественнаго мнѣнія, своимъ авторитетомъ, въ настоящее время — увы!—до такой степени подорваннымъ. Но эта сила можетъ развернуться и обнаружиться не при помощи бюрократическихъ поправокъ, новыхъ заплатъ на ветхой одеждѣ, но только помощью обновленія всей одежды, общаго національнаго возрожденія. Университетъ не долженъ отдѣлять себя отъ общихъ нуждъ страны, онъ долженъ быть въ полномъ сознаніи своихъ общегра-

*) Въ реакціонномъ „Кіевлянинѣ“ (издаваемомъ тоже бывшимъ профессоромъ) преподавательская коллегія Кіевского Политехническаго Института прочла слѣдующій упрекъ: „Личный преподавательскій составъ института сформированъ всего безъ году недѣлю, большинство его начинающіе ученую карьеру люди, еще безъ солиднаго имени, положенія и заслугъ; институтъ учрежденіе еще не имѣющее традиціи, опыта и зрѣлости; наконецъ, это заведеніе техническое, чуждое политическимъ наукамъ. Однако совѣтъ института рѣшается поучать и давать примѣръ другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ въ странѣ, какъ видно изъ одного изъ его заявленій! Кіевскій политехническій институтъ имѣлъ бы нравственное право выступить послѣднимъ, а не первымъ, если молчатъ русскіе университеты, прожившіе уже болѣе столѣтія или около того. Но университеты молчатъ, а профессора технического института научаютъ насъ политической мудрости и политическимъ доблестямъ.“ (№ 361, отъ 31 декабря 1904 года).

Кому же здѣсь стыдно, техникамъ или многоученымъ представителямъ „политическихъ (уже не политичныхъ ли?) наукъ“, пусть рѣшить судъ общественнаго мнѣнія, онъ же, конечно, произнесетъ свой приговоръ и надъ цитированнымъ литературнымъ документомъ, который назвать по имени мы сами не желаемъ.

**) Съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти строки, это измѣнилось къ лучшему, петербургскія событія заставили говорить многія досель немые уста, появилось извѣстное заявленіе, покрытое множествомъ подписей профессоровъ. Однако и здѣсь мы имѣемъ инициативу частныхъ лицъ, а не учреждений, поэтому оставляемъ написанное безъ измѣненія, прибавивъ только это примѣчаніе.

жданскихъ правъ и обязанностей и лишь этимъ путемъ онъ вернуть себѣ принадлежащее ему вліяніе и нравственный авторитетъ.

Итакъ, къ обычной поздравительной формулѣ: *vivat, crescat, floreat*, мы позволимъ себѣ присоединить и болѣе основное пожеланіе: *fiat universitas*, что въ переводѣ на русскій языкъ можно приблизительно передать такъ: да создастся скорѣе свободный, автономный университетъ, питомникъ будущей свободной русской культуры!

„Нѣтъ на свѣтѣ мукъ, сильнѣе муки слова“.

Надсонъ.

Читатель ждетъ отъ насъ отклика на то, что всѣхъ терзаешь, волнуешь, жжешь, о чемъ хочется кричать, стонать, благословлять, проклинать... Но не донесется до тебя нашего отклика, читатель. Намъ остается только послать тебѣ, вмѣсто гражданскаго отклика, глухой стонъ, изъ котораго ты узнаешь, какъ болитъ и изранена писательская душа, скорбью сугубой — не только гражданской, общероссійской, но и мукой несказаннаго слова.

Пойми и прости!

С. Булгаковъ.